

Гальперин Михаил Самойлович

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В КОНТЕКСТЕ ОПЫТА РЕФОРМ В РОССИИ И КИТАЕ В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

Данная статья посвящена осмыслению ключевой роли политического фактора в контексте оценки реформаторских и революционных процессов в России и Китае в переломный исторический период, охватывающий последнюю треть XIX - первую треть XX века и предопределивший последующее развитие двух некогда великих империй. Автор проводит мысль о необходимости учитывать, прежде всего, исторически сложившиеся традиции политической культуры, а также характер и национально-государственную специфику обеих стран. Обосновывается положение о том, что именно самобытность и уникальность России, как и Китая, должны быть оптимальной основой для разработки стратегии реформ и методов ее реализации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/5-1/15.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. I. С. 57-63. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

властных структур проект не дошел, и причиной тому стали медлительность и чрезмерная осторожность, прежде всего, органов городского управления. После долгих лет борьбы за каждый малозначительный участок приграничных земель, очевидно, городским деятелям было трудно представить, чтобы земство «без борьбы», руководствуясь исключительно интересами местного населения, отдало огромные территории в пользу г. Москвы. Итогом этой инертности на фоне нарастающих проблем военного времени стало то, что проект присоединения пригородов так и остался нереализованным вплоть до революционных потрясений 1917 г.

Список литературы

1. Доклад гласного С. И. Анофриева по поручению земского собрания о выработке проекта положения о сообщении пригородам организации административных единиц с правом самообложения. М., 1901.
2. Журналы Московского уездного земского собрания за 1914 г. со всеми приложениями. М., 1914.
3. Журналы Московского уездного земского собрания с приложениями за 1901 г. М., 1901.
4. Материалы по вопросу о присоединении пригородов к Москве // Экономическо-статистический сборник. М., 1913. Вып. 6.
5. По вопросу об организации общественного порядка в пригородах: доклад Московской уездной земской управы Московскому уездному земскому собранию очередной сессии 1913 г. М., 1913. № 9 б.
6. По невыполненным поручениям земского собрания: доклад Московской уездной земской управы Московскому уездному земскому собранию экстренной сессии 1916 г. М., 1916. № 3.
7. Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ). Ф. 179. Оп. 21.
8. Там же. Оп. 23.

MOSCOW SUBURBS STATE AT THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY AND THE PROBLEMS OF THE INTERRELATIONS OF LOCAL GOVERNMENT INSTITUTIONS

Pavel Vladimirovich Galkin, Ph. D. in History, Associate Professor
*Department of Municipal Management and Social Service
Moscow State Regional Social-Classical Institute
pvgalkin@nm.ru*

The author considers the problems of financing Moscow suburbs at the beginning of the XXth century, analyzes the character of the interactions of zemstvo and municipal local government institutions in the sphere of education, sanitation and fire precaution measures and pays special attention to the project of suburbs transfer from zemstvo under municipal institutions command. All this couldn't be realized due to the bureaucratic approach to decision making and the reduction of the revenue of the budgets of local government institutions under the conditions of the First World War.

Key words and phrases: suburbs; zemstvo; municipal public management.

УДК 32:93/94:94(47).08+94(510).08/093

Данная статья посвящена осмыслению ключевой роли политического фактора в контексте оценки реформаторских и революционных процессов в России и Китае в переломный исторический период, охватывающий последнюю треть XIX - первую треть XX века и предопределивший последующее развитие двух некогда великих империй. Автор проводит мысль о необходимости учитывать, прежде всего, исторически сложившиеся традиции политической культуры, а также характер и национально-государственную специфику обеих стран. Обосновывается положение о том, что именно самобытность и уникальность России, как и Китая, должны быть оптимальной основой для разработки стратегии реформ и методов ее реализации.

Ключевые слова и фразы: Россия; Китай; государственное устройство; империя; политика «самоусиления»; Александр II; реформы; политический фактор; П. А. Столыпин; Ли Хунчжан; Кан Ювэй; Лян Цичао; революция 1917 г.; модель социально-экономического развития.

Михаил Самойлович Гальперин, к. филос. н., доцент
*Кафедра лингвистики и межкультурной коммуникации
Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет
mgalperin@list.ru*

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В КОНТЕКСТЕ ОПЫТА РЕФОРМ
В РОССИИ И КИТАЕ В НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ[©]**

В чем причины впечатляющих успехов китайской реформы, отправной точкой которых стал знаковый Пленум ЦК КПК в декабре 1978 г.? Какие факторы сыграли решающую роль в превращении общественной

трансформации в Китае в необратимый процесс? Очевидно, что китайское руководство с должным вниманием подходило к учету конкретных условий и специфики, складывавшихся в стране на протяжении длительного времени, и это служило последовательному закреплению результатов, достигнутых в ходе реформ, и накоплению нового опыта. Иначе говоря, мы имеем дело с продуманной концепцией стратегии реформ, что очень важно для такой огромной страны, как Китай. В свою очередь, стратегия опирается при реализации на тактическую базу в виде разнообразных форм и методов претворения многочисленных проектов по усовершенствованию экономической инфраструктуры и социально-политической сферы. Наконец, реформа невозможно без наличия «команды» компетентных и ответственных исполнителей, эффективность и результаты действий которых в процессе реформ во многом, если не полностью, зависят от политического лидера, который должен возглавлять и направлять преобразования. Тем самым неизмеримо повышается значимость политического фактора реформ, так как без политической воли к принятию соответствующих решений и контролю над их исполнением никакие социальные программы и экономические нововведения не станут реальностью.

Еще один не менее важный вопрос, нерешенный при обсуждении стратегии реформ, - это вопрос о «модели» развития, пригодной для российских условий и специфики. По какому пути должна развиваться Россия в процессе трансформации? По «западному» или по «китайскому»? А может быть, у нас все же есть своя, исторически апробированная, концепция реформ, но мы просто не придавали ей должного значения?

Как представляется, есть все основания обратиться к опыту реформ в контексте исторического прошлого России и Китая. Представленный краткий обзор является попыткой выявить общие черты и специфику в социально-историческом развитии двух стран с целью определенного переосмысления ключевых событий, связанных с реформаторскими и революционными процессами в России и Китае на протяжении длительного исторического периода, охватывающего ряд десятилетий на рубеже XIX и XX веков.

Как известно, Россия, будучи по своему географическому положению евроазиатской державой, находилась и находится в постоянном культурном, социально-экономическом и политическом контакте со своим великим сопредельным соседом. Вполне естественно, что любые значимые явления и процессы во внутренней жизни одной из стран, благодаря двусторонним связям, со временем отражались так или иначе на жизни другой. Особенно наглядно это проявляется в контексте поисков путей, форм и методов обновления общества, имевших место в практике обеих стран в конкретный исторический период на рубеже столетий. Немаловажное значение имеет и то обстоятельство, что и Россия, и Китай, начиная со второй половины XIX в. и практически до 1917 г. находились примерно в одинаковых условиях - на стадии выбора своей исторической перспективы. При этом и та, и другая страна стремились опираться на опыт своего исторического прошлого, противопоставляя его активному воздействию разного рода западных социально-политических учений - от социал-реформизма до марксизма. Последовавшие после 1917 г. события в обеих странах оказывали огромное влияние как на состояние каждой из них, так и на международную обстановку вплоть до Второй мировой войны.

Рассматривая проблему реформ в отдельной стране, следует учитывать характер и национальную специфику государственности обеих стран, определявшую процесс эволюции государственных институтов и социальных структур, с тем чтобы выделить общее и особенное.

Такой подход позволяет сформировать целостное, последовательное представление о событиях и процессах, сопровождавших реформаторские усилия в России и Китае. В этой связи имеются все основания для того, чтобы внести определенные коррективы в изживающие себя прежние стереотипы восприятия революционной и реформаторской действительности, а также попытаться по-новому увидеть известные факты и события под углом зрения их значимости в историческом опыте обеих стран. Как правило, только по прошествии определенного времени мы делаем переоценку того, что раньше казалось неоспоримым, поскольку лишь «... время обеспечивает бесформенные данные настоящего времени формой, хотя бы по контрасту с тем, что наступает до того и что следует» [11, р. 8]. В этом случае мы можем более-менее объективно судить об исторической важности полученного опыта реформ и революций как отдельно для каждой из стран, так и в геополитическом аспекте.

При рассмотрении предпосылок, характера и результатов преобразований государственного устройства важное значение имеет совокупность форм и методов социально-политических преобразований, которые, как правило, выражаются в двух категориях - реформе и/или революции. При этом нельзя не учитывать условия и факторы, влияющие на содержание и характер, а следовательно, на результаты применения этих двух инструментов общественного развития, примером чему является исторический опыт реформ в России и Китае в течение примерно полувеккового периода.

Рассматривая характер и особенности преобразований, имевших место в России и в Китае в Новый и Новейший период, мы можем выделить несколько аспектов данной проблемы.

Первый из них касается особенностей государственного устройства двух стран. Рассматривая основные моменты, связанные со спецификой и общностью в государственном устройстве России и Китая в Новое время, можно отметить следующее.

Российская государственность исторически базировалась на традиционных представлениях о незыблемости государственных устоев, которые выражались в известной триединой формуле «Вера, Царь, Отечество». В данном случае понятие «вера» предполагала не только свою религиозную сущность, но и веру в священность, неизменность существующих порядков и в богоустановленность власти. Не менее важное значение имела и вторая составляющая, т.е. харизма правителя, означавшая веру народа в его мудрость (святость, героизм, гениальность). Единство этих двух составляющих обеспечивало существование Отечества - государства, опиравшегося на легитимное господство государя, подкрепляемое законом в лице официального законодательства и

освященное Богом в лице Церкви. Именно это неразрывное сочетание духовности и державности составляло залог государственной стабильности и общественного спокойствия. Отступление от этой устойчивой политической традиции мы наблюдали только раз в российской истории - в петровскую эпоху. Петр I, несомненно, совершил великий прорыв во времени и в пространстве, буквально вытащив Россию, несмотря на колоссальные затраты и жертвы, из косности и рутины допетровского времени, дал ей статус великой Российской империи, с которой был вынужден считаться окружающий мир. Но вместе с тем нельзя не признавать, что его реформы имели и определенные негативные последствия. Как справедливо отмечал русский исследователь А. А. Керсновский, при всем своем величии Петр допустил две «капитальные ошибки... сыгравшие печальную роль в дальнейшем ходе русской истории - чрезмерное форсирование европеизации и «вавилонское пленение» Церкви» [3, с. 49]. Причем это первое отделение Церкви от государства стало впоследствии одной из главных причин падения Российской монархии. Последующие преемники на трон пытались исправить положение путем централизации власти, повышения статуса самодержца и укрепления позиций Православной Церкви, но это не могло дать желаемый результат, поскольку Церковь уже не играла той основополагающей роли в политической жизни империи, какую она играла прежде. «В сложившейся веками русской государственной машине царская власть являлась как бы ходом поршня, а духовная власть патриарха (до учреждения патриаршества - митрополита Московского) являлась своего рода инерцией махового колеса, обеспечивавшей ход машины, когда она начинала давать перебои и поршень становился «на мертвую точку». Гениальнейший из русских царей, перестраивая заново эту машину на иноземный образец, упразднил патриаршество и этим нарушил гармонию духовной жизни русского народа. Сообщенной Петром стране мощной инерции хватило на полтора столетия, но когда она стала иссякать и государственная машина стала давать перебои - спасительной «инерции» маховика уже не оказалось. И машина остановилась...» [Там же, с. 10].

Проводя историческое сопоставление, все сказанное выше можно - с учетом национальной специфики - отнести и к государственному устройству Поднебесной. Говоря о Китае, мы помним о том, что Китай обладает уникальным многовековым опытом государственного управления, подготовки многих поколений государственной бюрократии, теоретический фундамент которой формировался и развивался в трудах китайских мыслителей на протяжении двух с половиной тысячелетий. Природно-экономические и особенно политические факторы обусловили особую роль государственной власти в жизни китайского общества. В основе стабильности - пусть даже и относительно консервативной - в Китае лежит «богатый исторический опыт взаимодействия власти и собственности», что позволяло на протяжении длительного времени сохранять «установленные еще в древности и ставшие традиционными порядки» [5, с. 8]. При этом в опыте государственного строительства Китая просматривается сочетание двух начал: обеспечение государственного единства китайской нации как закон её исторического «самосохранения» через поддержание стабильного политического статус-кво и укрепление государственных устоев через проведение преобразований в важнейших сферах жизни общества.

Таким образом, следует, прежде всего, обратить внимание на наличие определенного сходства в системе государственного устройства и характере власти в России и Китае в плане тотального контроля над всеми сторонами жизни общества. Единственное различие заключается в мотивации: патерналистская забота власти о благе народа в России и обезличенное подчинение народа власти в Китае.

Второй аспект проблемы связан с предпосылками, ходом и результатами реформ в конкретных условиях различных периодов истории России и Китая. Что касается России, то можно с полным основанием утверждать, что толчком практически для всех реформ был факт явного ослабления военной мощи и, как следствие, поражения в войне. Так происходило на протяжении длительного времени. Как отмечает в этой связи отечественный исследователь В. Брюханов, «все реформы в России за последние триста лет происходили по абсолютно сходному сценарию: **сначала - военное поражение**, демонстрирующее глубину военно-технической отсталости России, **затем - реформа**, призванная ликвидировать эту отсталость. Вот это-то и оказалось основным содержанием исторического процесса в России на протяжении трех столетий» (выделено - М. Г.) [1, с. 11]. Ярким примером может служить реформа П. А. Столыпина, необходимость которой выявилась после поражения России в войне 1904-1905 гг. К этому следует добавить, что практически все реформы в России (вплоть до недавнего времени) приводили, как правило, к одним и тем же последствиям - к еще большей централизации власти и ужесточению форм и методов контроля государственных институтов над обществом в целях сохранения социально-политической стабильности. Кстати, эту характерную особенность российской действительности, правда, под несколько иным углом зрения, отмечают и некоторые американские исследователи. Так, в работе «Грядущий русский бум» авторы, делая экскурс в пройденный Россией исторический путь, дают следующую, скажем так, весьма своеобразную (в чисто «американском» духе) оценку характера и результатов реформаторских усилий, имевших место в нашей стране в течение нескольких веков: «История этой специфической части мира (России - М. Г.) замусорена (!? - М. Г.) разрушенными надеждами относительно реформы. Россия металась между бешеными взрывами изменения и длительными периодами тиранической лени, подобно, скорее, русскому народному персонажу Ивану, который спит на печи семь лет, встает, напивается, быстро терроризирует с топором (!? - М. Г.) деревню и затем возвращается к еще одной семилетней дремоте. На протяжении прошлых трех столетий Россия видела пять больших волн либерализации. В каждом случае стимул к реформам продолжался не больше чем десятилетие, перед тем как быть сокрушенным обновленной автократией» (разрядка наша - М. Г.) [10, р. 9].

В Китае мы наблюдаем, в общем, то же самое явление. Политика «самоусиления» явилась закономерным результатом двух «опиумных» войн (1840-1842 гг., 1856-1860 гг.) и вооруженной интервенции западных

держав и началась с укрепления береговой обороны путем модернизации армии и флота по западному образцу, для чего потребовалось кардинальным образом улучшить экономическую инфраструктуру. Как известно, эта попытка реформ завершилась крахом, что убедительно продемонстрировала война 1894-1895 гг. В свою очередь, поражение в японо-китайской войне стало наглядным свидетельством успехов реформы Мэйдзи в Японии и толчком к попыткам нового витка преобразований в экономической и политической сферах, которые вошли в историю Китая под названием «100 дней реформ». Кстати, здесь, вероятно, просматривается еще одна аналогия, связанная с последствиями провала реформ и проявляющаяся как в Китае, так и в России в значительном усилении абсолютной власти монарха и ужесточении контроля над населением с целью пресечения оппозиционных выступлений.

Третий аспект охватывает комплекс факторов по большей части субъективного характера, препятствующих эффективному проведению реформ, что также позволяет проводить историческую параллель между Россией и Китаем. Прежде всего, серьезным препятствием выступает пассивная позиция самого лидера/монарха, призванного по логике вещей возглавить и направлять процесс преобразований. Его осторожное или негативное отношение к проводимым преобразованиям - особенно если он озабочен, в первую очередь, стремлением не допустить ослабления личной власти - проявляется, как показывает историческая практика, в скрытом или открытом противодействии реформаторам вплоть до аннулирования достигнутых результатов. Кроме того, не стоит забывать и о наличии мощного бюрократического аппарата, который занимал достаточно прочные экономические и политические позиции и в России, и в Китае, что давало возможность активно противодействовать мероприятиям, так или иначе угрожавшим его интересам.

В Китае попытки реформ проваливались, прежде всего, потому, что и Ли Хунчжан, и затем Кан Ювэй, и Лян Цичао оказались не в состоянии пробить вязкую оборону наиболее ортодоксальных представителей цинской бюрократии и провести намечаемые мероприятия при поддержке, пусть даже формальной, со стороны ближайшего императорского окружения и самого монарха. Как справедливо отмечает, например, китайский исследователь Чжан Минцзю в своей статье «Об идеях Ли Хунчжана относительно политической реформы», «...в условиях ожесточенного сопротивления феодальной косной группировки, точка зрения Ли Хунчжана не была воспринята цинским двором, и тем самым его реформы не превратились в государственную политику цинского правительства» [6, с. 65].

Даже в России, которая после отмены крепостного права и либеральных реформ Александра II Освободителя находилась в довольно благоприятных условиях стабильного, в общем, социально-экономического развития («эра индустриализации»), реформаторские проекты и мероприятия Ю. В. Витте, а затем П. А. Столыпина испытывали постоянный осторожный скепсис или недоверие со стороны императора, не говоря уже о традиционной для России бюрократической «волоките». Поэтому решающее воздействие политического фактора проявлялось в том, что реформы в России, как и в Китае, неизменно предварялись и сопровождались острой политической борьбой между их сторонниками и противниками, которая временами приобретала личностный характер и превращалась в самоцель, выходя, таким образом, на передний план и оставляя в стороне конкретное содержание реформ и их пользу для государства. Подобное развитие событий обуславливало частичную или полную незавершенность намеченных преобразований, что ослабляло экономическую и политическую стабильность, особенно накануне приближавшихся социальных потрясений.

Четвертый аспект затронутой проблемы вытекает из сравнения особенностей исторически сложившегося политического менталитета России и Китая через призму реакции государства и общества на проникновение и насаждение либеральных и революционно-демократических (марксистских) идей на российскую и китайскую национальную почву. Эта своего рода идеологическая экспансия Запада способствовала расколу как в общественной мысли, так и в самом обществе: в Китае - на сторонников конституционной монархии и революционеров-демократов, в России, особенно после Первой русской революции, - на более широкий спектр: от убежденных монархистов до не менее убежденных революционеров-террористов. Тем не менее и Россия, и Китай на начальных стадиях восприятия идейных инноваций извне старались опираться на традиционный (в сути своей) для обеих стран синтез традиций и модернизации, основанный на примате национального и исконного над новым и чужим, с последующей полезной ассимиляцией последнего. Но если в Китае это подкреплялось достаточно сильными позициями конфуцианства в общественном сознании, то Православная Церковь России, к сожалению, утратила таковые позиции и не могла достойно противостоять все более разлагающему воздействию на народ революционной пропаганды как внутри страны, так и извне.

Таким образом, можно констатировать, что исторический путь, пройденный обеими странами до 1917 г., в общем и целом не имел принципиальных отличий, поскольку определялся общим для них стремлением к сохранению культурно-исторических ценностей и наработанных веками политических традиций. В этом, как нам кажется, можно проследить определенную историческую аналогию. Разумеется, данное утверждение не означает отказ от принятия во внимание всего комплекса конкретных условий, формировавших в течение многих поколений национально-психологическую индивидуальность и ментальную специфику наших обществ. Но если абстрагироваться от проявления сугубо цивилизационных различий и вести речь только об идеологических и социально-политических аспектах проблемы - объективного и субъективного плана, то нельзя не видеть общей для России и Китая тенденции, которая просматривалась в подходе к выбору между реформой и революцией в пользу все-таки первой.

Но, как уже было сказано выше, так продолжалось только до 1917 г. Октябрьская революция, которая, кстати, тоже оказалась возможной только на фоне ослабления военной мощи России и неудач на полях

сражений Первой мировой войны, оказала решающее влияние на дальнейшее социально-экономическое и политическое развитие обеих стран. В этой связи нельзя не упомянуть тот факт, что еще задолго до начала Первой мировой войны П. А. Столыпин увидел в ней главную угрозу государственным устоям России. В полной мере оправдалось предвидение П. А. Столыпина, высказанное им еще в 1909 г. в беседе с императором Вильгельмом, относительно недопустимости войны между Россией и Германией, поскольку «враги императорского режима используют (в будущем - М. Г.) неизбежные экономические осложнения военного времени в осуществлении революции» [12, р. 106].

В России это, как мы знаем, проявилось в жестокой и разрушительной Гражданской войне и установлении диктатуры: формально - пролетариата, фактически - партии. Для России это, по существу, означало тотальный военно-политический и идеологический контроль над населением в ходе проведения мероприятий по укреплению экономических и политических позиций партии власти внутри страны с неизбежным отражением применяемых форм и методов во внешней политике. Для Китая последнее означало усиление воздействия идей марксизма на состояние общественной мысли, сопровождавшееся теперь активным распространением практического опыта русской революции как наглядного подтверждения универсальности и жизнеспособности этого западного учения и его применимости для всех стран. Ожесточенная полемика между реформаторами и сторонниками революционного обновления Китая по образцу России свидетельствовала о том, что большевизм как теория и практика становился уже не чисто «русским», но уже в значительной степени и «китайским» явлением. Создание же КПК в 1921 г., воспринявшей не только организационные принципы русских коммунистов, но и их формы и методы борьбы за власть и перспективу на осуществление социалистической революции, стало закономерным итогом воздействия «русского», точнее, марксистско-ленинского фактора на исторические судьбы Поднебесной и прологом будущей революции.

Революция 1925-1927 гг. по своему характеру и направленности являлась, по сути, реализацией тщательно проработанной сталинской концепции китайской революции, о чем убедительно свидетельствуют исследования отечественных историков последних лет. В качестве примера можно привести работу А. В. Панцова «Тайная история советско-китайских отношений: большевики и китайская революция: 1919-1927», в которой автор убедительно доказывает, что она не имела ничего общего по предпосылкам и движущим силам с революциями в европейских странах и тем более не отвечала объективным потребностям и национальной специфике Китая [4, с. 58-66, 132-146, 181-213, 214-216]. По своему исполнению она была, скорее, механически перенесенной на китайские реалии копией Октябрьской революции, а по своей стратегической цели являлась (как, например, неудачная попытка «экспорта революции» в Германию, 1923 г.) частью общего сценария по осуществлению мировой революции, разрабатываемого и направляемого Коминтерном.

Результатом этой революции явилось фактически разделение Китая на два политических, а впоследствии и геополитических, полюса, на одном из которых КПК проводила радикальные изменения в социально-экономической и политической сферах по советскому образцу, готовя плацдарм для объединения Китая под своим полным контролем. На другом полюсе Гоминьдан под руководством Чан Кайши пытался при поддержке и помощи Запада воплотить в жизнь реформы либерально-демократического толка. Однако уже изначально они были обречены на неудачу, поскольку проводились на фоне постоянной дестабилизации обстановки в подконтрольных ГМД районах под воздействием двух внешних факторов - КПК и Японии, а также в условиях нарастающего внутреннего противодействия Гоминьдановской бюрократии.

В широком смысле слова, можно говорить о том, что 1917 год, в известной степени, стал рубежом политической бифуркации как для России, так и особенно для Китая. В России он стал своего рода водоразделом, отделившим эпоху царских империй от советской империи, сохранив и усилив при этом ее основные геополитические характеристики на новом, более мощном, качественном уровне. В Китае же он явился своего рода прологом происшедшего через десятилетие разделения некогда единого и могучего государства на два аморфных государственных образования, подчинивших свои исконные интересы интересам внешних покровителей, - разделения, продолжившегося и после 1949 г.

Поэтому, как нам представляется, истоки такой, геополитической ныне, ситуации, выраженной впоследствии в широко известной формуле «одно государство - два строя» (yí guó liǎng zhì), следует по большому счету относить не к итогам гражданской войны в Китае 1946-1949 гг. Конечно, «идея применить принцип “одно государство - два строя” родилась на основе... собственных китайских условий» [2, с. 63], но отнюдь не «после созыва 3-го пленума ЦК партии 11-го созыва» [Там же, с. 74]. Предпосылки разделения некогда единой страны на два Китая, по своему идеологическому предопределению, закладывались, на наш взгляд, еще в 1927 г., если не на десятилетие раньше.

Таким образом, Октябрьская революция, как нам представляется, также является своего рода объединяющим для судеб обеих стран политическим фактором, воздействие которого допускает предположение о наличии определенного, исторически обусловленного сходства и взаимовлияния, хотя последнее носило, особенно после Октября 1917 г., в основном односторонне направленный характер.

Однако все сказанное выше отнюдь не следует рассматривать как доводы в пользу игнорирования национальной специфики, определяющей исторические пути развития наших стран. Тем более нельзя, как нам кажется, в этом аспекте говорить и о некой «модельности» опыта социально-экономического и политического развития обеих стран применительно друг для друга. Этот опыт - уникальный по своей многоплановости и специфике исторический феномен, который накапливался столетиями и отказ от которого чреват непредсказуемыми последствиями. В этом нас также должна убеждать историческая практика двух стран.

В основе реформ должны лежать не рецепты, навязываемые извне, пусть даже из кажущихся внешне самых лучших побуждений, а собственные национально-исторические корни, предполагающие определенную степень преемственности форм и методов социально-экономического и политического развития, а также духовную связь поколений. Эти самобытность и уникальность как оптимальная основа для разработки стратегии реформ отмечаются и некоторыми зарубежными экспертами. Так, еще в 1995 г. участники рабочей группы по российским демократическим реформам при Университете ВВС г. Монтгомери в своих аналитических обзорах с рекомендациями правительству относительно позиции по основным аспектам российских реформ подчеркивали: «Соединенные Штаты должны понять, что Россия создаст свою собственную макроэкономическую систему. Некоторые из ее особенностей будут опознаваемы, но в широком смысле российская экономика будет отличаться от таковой либеральных капиталистических государств. В течение следующих нескольких лет Россия должна будет управлять необычно трудными экономическими проблемами...», «поскольку она создает экономику, которая является лучшей для России. Западу рекомендуется ограничить импульс помочь России создавать зеркальное отражение наших собственных экономических систем» (разрядка наша - *М. Г.*) [7, p. 105-106].

В Китае это поняли несколько раньше, о чем свидетельствуют результаты реформы, проявившиеся уже в 80-х гг. прошлого столетия. В суммарном виде суть стратегии социально-экономического и политического развития Китая на начало XXI века выражена в следующей достаточно точной (хотя и спорной в констатации отдельных идеологических моментов) характеристике видного американского политолога С. Хантингтона: «Руководство (Китай - *М. Г.*) ... выбрало новую версию *Ti-Yong* (*ziyong*, т.е. собственного - *М. Г.*) капитализма и вовлечения в мировую экономику, с одной стороны, объединенную с политическим авторитаризмом и с возвращением к традиционной китайской культуре, с другой. <...> В самом Китае непосредственно в начале 1990-х гг. развивалось популярное желание возвратиться к тому, что является подлинно китайским, которое часто является патриархальным, нативным (т.е. врожденным - *М. Г.*) и авторитарным. Демократия в этом историческом возрождении дискредитирована, как был дискредитирован ленинизм как просто другое иностранное наложение» [9, p. 105-106].

Можно согласиться с приведенной точкой зрения в части возрождения в Китае национальных традиций. Однако тезис о дискредитации роли ленинизма, который фактически предполагает падение авторитета и ослабление роли КПК в обществе, вряд ли можно считать объективным. Более того, следует говорить об усилении позиций КПК в процессе преобразований. При этом был принят во внимание наглядный опыт КПСС накануне распада СССР. Косвенным подтверждением последнему суждению являются известные события на площади Тяньаньмэнь в апреле 1989 г. В этой связи заслуживает внимания точка зрения видных американских аналитиков относительно реальной подоплеку реакции властей на эти студенческие выступления: «...падение Коммунистической империи на севере принесло с собой урок. Политические реформы, особенно терпимость свободных дебатов, позволенных Михаилом Горбачевым, и его готовность растворить Коммунистическую монополию на власть, вели к изгнанию «Советской» партии в целом, к результату, которому все китайские коммунисты едва ли хотели подражать. Они чувствовали, что быть мягкими, каким был Горбачев, означает потерять власть. <...> Чжао рассматривался как своего рода Горбачев - деятьель, который будет делать слишком много уступок, а затем будет отброшен, потянув вниз за собой всю партию. <...> Поэтому режим хотел справиться с этой неудачной тенденцией раз и навсегда, чтобы группы студентов не соединились с другими, стоящими за некоторыми деятелями типа Чжао Цзыяна, и не привели его к власти таким же способом, каким демонстранты в Москве обеспечили триумф Бориса Ельцина после того, как он перешел к захвату власти у Горбачева» [8, p. 40-41].

Россия же, по прошествии многолетних «стратегических» экспериментов по западным образцам, находится сейчас на стадии активного осознания своего историко-политического наследия и своего реального места в мире. Новый XXI век принес ощутимые перемены в обществе, которые стимулировали так или иначе процесс реального и продуктивного осмысления истоков нашего некогда державного величия.

Список литературы

1. Брюханов В. Мифы и правда о восстании декабристов. М.: Яуза; Эксмо, 2005. 640 с.
2. Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая / пер. с кит. М.: Политиздат, 1988. 256 с.
3. Керсновский А. А. История русской армии: в 4-х т. М.: Голос, 1992-1994. Т. 1. 303 с.
4. Панцов А. В. Тайная история советско-китайских отношений: большевики и китайская революция: 1919-1927. М.: ИД «Муравей-Гайд», 2001. 452 с.
5. Рябченко Н. П. КНР - СССР: годы конфронтации: 1969-1982. Владивосток: Дальнаука, 2006. 160 с.
6. Чжан Минцзю. Лунь Ли Хунчжан ды бянфа сысян (Об идеях Ли Хунчжана относительно политической реформы) // Лиши янцзю. 1989. № 6.
7. Badger Brian R., Byrd Charles E. Impediments to Free-Market Economy in Russia // Russia's Democratic Moment? Defining US Policy to Promote Democratic Opportunities in Russia. Alabama, 1995. 325 p.
8. Bernstein Richard and Munro Ross H. The Coming Conflict with China. N. Y., 1997. 245 p.
9. Huntington Samuel P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N. Y., 1996. 367 p.
10. Layard R, Parker J. The Coming Russian Boom: a Guide to New Markets and Politics. N. Y., 1996. 380 p.
11. Thomson James C. Jr. While China Faced West. American Reformers in Nationalist China, 1928-1937. Fourth printing. Cambridge, 1980. 310 p.
12. Zenkovsky Alexander V. Stolypin: Russia's Last Great Reformer. Princeton - N. J., 1986. 81 p.

POLITICAL FACTOR IN THE CONTEXT OF THE EXPERIENCE OF REFORMS IN RUSSIA AND CHINA IN NEW AND THE NEWEST TIME

Mikhail Samoilovich Gal'perin, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Department of Linguistics and Intercultural Communication
Komsomolsk-on-Amur State Technical University
mgalperin@list.ru

This article is devoted to understanding the key role of political factor in the context of the estimation of reformatory and revolutionary processes in Russia and China during the critical historical period (the last third of the XIXth - the first third of the XXth centuries) which predetermined the subsequent development of the two in former great empires. The author emphasizes the necessity to take into account, first of all, the historically formed traditions of political culture and also the character and national-state specificity of both countries and substantiates the fact that it is the originality and uniqueness of Russia and China that must be the optimal basis for the development of reforms strategy and the methods of its realization.

Key words and phrases: Russia; China; state structure; empire; policy of "self-enhancement"; Aleksandr II; reforms; political factor; P. A. Stolypin; Li Hongzhang; Kang Youwei; Liang Qichao; revolution of 1917; model of social-economic development.

УДК 340.1-05

Статья обосновывает введение в научный оборот новой категории «функционал правовой политики». Опираясь на теоретико-правовую сущность названного явления, автор предлагает вниманию научной общественности свое понимание ее места и роли в системе характеристик безопасности современного государства.

Ключевые слова и фразы: правовая политика в сфере обеспечения безопасности; научный феномен; военно-превентивный потенциал государства; анализ угроз государственной безопасности; регулирование политико-правовых отношений.

Александр Иванович Головня, к. пед. н.
Кафедра № 53
Академия Федеральной службы безопасности
POLEMARX2020@gmail.com

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЕ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ СФЕРЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ[©]

Российская Федерация вступила во второе десятилетие XXI века в условиях постоянной военно-политической напряженности на ее границах, перманентной угрозы террористических проявлений, непрекращающихся притязаний на целостность и государственный суверенитет.

В сопредельных с Россией государствах и непосредственно на ее территории грандиозных масштабов достигли уголовный и политический терроризм, национальный и религиозный экстремизм, наркоторговля, организованная преступность и коррупция. В приграничном пространстве страны продолжается неконтролируемое распространение обычного оружия, все более реальными становятся угрозы политического, военного, экологического, демографического, социального и национально-этнического характера.

Ожидания многих отечественных политиков относительно того, что Запад может стать для новой России идеологическим и политическим союзником, не оправдались. Реальные события последних лет подтвердили бесосновательность и наивность представлений и о верности России ее недавних союзников.

Не меняет своей агрессивной сущности Североатлантический союз, который выдвигает и реализует все новые инициативы по подрыву обороноспособности нашей страны. Это требует постоянного внимания к проблеме защиты интересов России от внешнего и внутреннего деструктивного воздействия.

Многолетний опыт автора в изучения военных проблем общего проблемного пространства правовой политики сферы обеспечения безопасности свидетельствует, что понимание этого научного феномена невозможно без уяснения его функционала.

Под данной категорией следует понимать совокупную характеристику социального предназначения правовой политики. Оно реализуется государственно-властными структурами посредством использования и применения ими праворегулятивных, правоограничительных и правоприменительных мер воздействия.

В отношении к правовой политике сферы обеспечения безопасности указанный функционал характеризует собой инструментальную составляющую рассматриваемых реалий, определяет их возможности и значимость. Очевидно, что адекватное понимание указанных характеристик позволяет достаточно глубоко уяснить сущность названных явлений [4].

Категория правовой политики в рассматриваемой совокупности первична. Именно эта дефиниция характеризует собой объемный интегратор теоретических подходов к разработке властно-распорядительных